

Валькони́на Ирина

**ЖИЗНЬ НА КОНЧИКАХ
ПАЛЬЦЕВ**

Ирина Валькони́на

Жизнь на кончиках пальцев

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Валькони́на И. М.

Жизнь на кончиках пальцев / И. М. Валькони́на — «ЛитРес:
Самиздат», 2013

Музыка есть в каждом из нас. Она звучит в наших сердцах – нужно только ее услышать. Это повесть о девочке, глухой от рождения, но ставшей со временем известной пианисткой. Это история, которую следует не просто прочитать. Это история, которую необходимо услышать...

© Валькони́на И. М., 2013

© ЛитРес: Самиздат, 2013

На свете есть лишь две вещи, достойные нашего слуха. Это тишина и музыка.
Бауржан Тойжибеков

**Мюзик-Холл,
Москва, 19:30**

ПРОЛОГ

Сегодня после концерта назначена пресс-конференция – встреча с журналистами. Честно говоря, не очень люблю всю эту шумиху. Но что поделать – другого выхода нет. Самое главное, даже не представляю, как именно будет проходить мероприятие. Признаюсь, заметно волнуюсь. Вокруг столько незнакомых лиц, толпа – а я одна в центре внимания. Но стараюсь держаться уверенно: киваю головой и приветливо улыбаюсь. В какой-то момент я окончательно успокоилась – дело пошло своим ходом.

А в итоге все оказалось достаточно просто и банально: мне передавали записки с вопросами журналистов. Стандартные вопросы. Стандартные ответы. *Как Вам удалось добиться такого успеха? Как вы можете слышать музыку, которую играете?* Расскажите Вашу историю. Рассказать, увы, не могу. Но могу написать.

Часть I. В объятьях тишины

Начало истории

Мне было, наверное, где-то года три-четыре, точно не помню. Тогда я жила со своей бабушкой в подмосковном поселке, недалеко от Москвы. «Петушки» назывался. Именно в этот период я стала чувствовать, что со мной что-то не так, но что конкретно происходит, конечно, не осознавала. Как будто чего-то не хватало... Более того, такое состояние стало уже привычным. Мне тогда казалось, что это временно и скоро все пройдет. Я даже не подозревала, как сильно заблуждалась.

Помню, как девчонки и мальчишки из нашего поселка каждый день бегали на речку купаться, а потом играли в жмурки или догонялки, или просто веселились. А я всегда стояла в стороне и тихонько за ними наблюдала. А самой ужасно хотелось подойти и подружиться с ними. И вот однажды я не вытерпела и решилась на отчаянный шаг – познакомиться, заговорить. Я подошла к девочке с белокурыми волосами и небесно-голубыми глазами. Она прыгала через скакалку и улыбалась, слегка прищурившись от солнца. Я всего лишь хотела сказать: *«Привет! Давай прыгать вместе!»*. А в итоге не произнесла ни звука, лишь одно шевеление губами. Девочка тут же перестала прыгать, от улыбки не осталось и следа. Все остальные ребята застыли на своих местах и смотрели на меня удивленными глазами. Застыла и я сама. Так прошло пару минут. Я ничего не понимала. А потом резко развернулась и ринулась бежать.

Никогда прежде я не оказывалась так далеко от поселка. Видимо, я вовремя остановилась, чтобы перевести дыхание. Иначе точно бы заблудилась. Не помню, как вернулась домой. Помню только горькие слезы, которые текли у меня по щекам. А также добрый и всепонимающий взгляд бабушки, которая нежно гладила меня по голове. Именно бабушка научила меня писать и читать по слогам. Мы с ней понимали друг друга без слов, общались с помощью жестов. Она объяснила, как могла, что со мной происходит. Не было для меня тогда человека ближе и роднее. Мне только исполнилось семь, когда ее не стало.

Мне показалось, что я осталась во всем мире одна. В какой-то степени так и было, пока меня не определили интернат для глухих детей. Там я поняла, что не одна такая.

Жизнь в интернате

Первые дни в интернате я чувствовала себя очень неуютно, мне все казалось таким непривычным, незнакомым. Но постепенно свыклась с новой обстановкой, т.к. понимала, что

другого выбора у меня нет. Мария Васильевна, наша воспитательница, была строгой, немного надменной пожилой женщиной. Она носила большие круглые очки с оправой, волосы собраны в тугой пучок, а поверх блузы – накинутый на плечи шерстяной платок. Это была неизменная деталь в ее гардеробе. Она никогда его не снимала. Именно такой я ее и запомнила. Когда она проходила рядом, у меня непроизвольно пробежали мурашки по всему телу, хотя для этого не существовало объективных причин.

Со мной в одной комнате жили еще две девочки, которые были значительно старше. Поэтому не обращали на меня никакого внимания. Впрочем, и между собой они общались достаточно редко и неохотно. Мне часто становилось одиноко и грустно. Я тосковала по бабушке и по той жизни, которая была раньше.

Всего нас было немного – человек десять, не больше. В основном – девочки. Некоторых счастливых забрала дальние родственники или приемные родители. Я втайне очень им завидовала.

Днем у нас проходили уроки, почти как в обычной школе. Мы учились письменной речи, изучая русский язык, а устной – при помощи жестов. Так, мы могли общаться и понимать друг друга без слов. Потом – подготовка домашних заданий. А в свободное время – кружки по интересам. Мария Васильевна вела у девочек кружок кройки и шитья. Видимо, ей самой очень нравилось это занятие – с таким увлечением она помогала нам делать выкройки для будущих изделий. А однажды даже показала платье, которое сшила сама. Наверное, она считала, что мы могли бы впоследствии устроиться работать в ателье или на швейную фабрику.

Возможно, это было бы, действительно, неплохо. Некоторым девочкам очень нравилось это занятие. Но, признаюсь, я посещала этот кружок без особого энтузиазма, скорее по принуждению. Просто у меня не получалось так же ловко и быстро орудовать иглой, как это делала Мария Васильевна.

Когда была хорошая погода, мы выходили гулять на улицу. Тогда только приближались первые весенние деньки. Снег начал таять, из-под него робко проглядывали зеленые росточки. Солнышко пригревало. Всюду чувствовалось обновление и пробуждение. Но, мне казалось, чего-то не хватает. Шелест листвы или ветра, пение птиц, разговоры людей – для меня это только слова. Ведь единственный звук, который я слышала когда-либо – полнейшая тишина.

Я сидела на качелях, неосознанно выводя какие-то фигуры палочкой на земле. Сейчас мне особенно хотелось услышать, как звучит капель, как журчат бегущие ручьи, как колышутся на ветру листочки. Я закрыла глаза от солнца и попыталась вообразить эти звуки так, как будто они бы звучали у меня в голове, уловить едва ощутимые вибрации. Мне почти это удалось, как вдруг Мария Васильевна дотронулась до моего плеча. От ее прикосновения невольно вздрогнула. Она жестом указала на то, что все давно ушли на ужин, а я осталась одна на площадке. У нее был очень недовольный взгляд, от которого мне тут же стало не по себе.

Девчонка с вечно смеющимися глазами

Все свободное время я привыкла проводить одна – в своей комнате или в библиотеке, которая представляла собой маленькую каморку в подвале. Правда, выбор книг был довольно-таки ограниченным. Но я читала все подряд, буквально запоем. Так было до тех пор, пока у нас не появилась новенькая – голубоглазая девочка с торчащими в разные стороны косичками, с веснушками на лице. Она выглядела такой смешной и жизнерадостной, что на нее все невольно обратили внимание. Мы носили бейджики с именами, чтобы можно было познакомиться и лучше запомнить друг друга.

Девочка сидела за столиком в окружении других ребят и что-то увлеченно рисовала, а все с любопытством пытались разглядеть, что за рисунок у нее получается. Мне было очень любопытно знать, как же ее зовут. Позже, когда остальные разошлись, я таки наконец увидела бейджик с ее именем. На нем не совсем аккуратно, но очень старательно было выведено: «ТАСЯ». Какое необычное имя – первое, что тогда подумала... Я хотела, было, посмотреть ее

рисунок, но она резко закрыла его руками, при этом так наигранно нахмурившись, что просто невозможно было не рассмеяться. Чуть выждав, Тася протянула мне свой рисунок. На бумаге было изображено улыбающееся и подмигивающее солнышко. Сначала я внимательно его рассмотрела, а потом на обратной стороне листка написала: *«Привет! Мне зовут Алиса. Давай дружить?»*.

С тех пор мы были, что называется, не разлей вода: всюду ходили вместе. Даже книжки читали одинаковые. У нас выработалась особенная система общения с помощью жестов и знаков, понятная только нам. Мы частенько применяли ее во время уроков, когда становилось невыносимо скучно, чем приводили Марию Васильевну в бешенство. Ей, конечно, было невдомек, о чем мы говорим. Обычно в этом случае она резко вставала с места, проходила вдоль класса, потом возвращалась за стол и долго не сводила с нас внимательного и испепеляющего взгляда. В такие минуты Мария Васильевна выглядела очень смешно, поэтому мы еле сдерживали себя, чтобы не рассмеяться. Тогда учительница прибегала к своему последнему средству – грозила нам указательным пальцем – и мы на время успокаивались.

А еще нашим любимым занятием было писать друг другу письма. Каждое утро я находила таковое у себя на тумбочке. Обычно оно начиналось следующим образом: *«Дорогая, Алиса! Сегодня чудесный день. Жду тебя на нашей скамейке в 5 часов. И не вздумай опаздывать. А не то я обижусь. Твоя Тася»*. Я уже в 4.45 ждала Тасю на скамейке. А она всегда подходила сзади и закрывала мои глаза своими ладошками. С ней никогда не было скучно.

Как-то раз я сильно заболела – была высокая температура, лихорадка. Ко мне не пустили никого, кроме доктора. Однако Тася каким-то образом пробралась ко мне в комнату, незаметно от Марии Васильевны. Я помню ее грустные глаза и бледное личико. Она садилась возле моей кровати, клала свою головку на подушку и долго оставалась недвижима. Вскоре после моего выздоровления Тася тоже заболела – заразилась от меня. Мы как будто поменялись местами. Теперь я неотлучно дежурила у ее постели. Даже Мария Васильевна смирилась и только обреченно вздыхала – мол, что с вами поделаешь.

Я думала, что мы никогда не расстанемся. Но судьба распорядилась иначе. Спустя 3 месяца ее забрали приемные родители. То, что я чувствовала в тот момент, невозможно передать словами. Мы обе плакали навзрыд, обнявшись. На память Тася подарила мне мой портрет, который сама нарисовала. Я его храню до сих пор. Ее рисунки всегда украшали наш класс – у нее прослеживался определенный талант к рисованию.

Мы обещали писать друг другу письма. Но даже это не спасало. Эта была вторая в моей жизни большая потеря. Невосполнимая утрата. Тогда я пообещала себе, что обязательно найду подругу, во что бы то ни стало. И нашла. Но всему свое время.

Пианино на чердаке

Каждый день, просыпаясь, я с замиранием сердца смотрела на тумбочку, по привычке ожидая увидеть там Тасино письмо. Каждый день ровно в 4.45 сидела на скамейке в надежде, что она, как прежде, подойдет сзади и закроет мои глаза руками. Каждый день я думала, что подруга зайдет в класс, чуть заметно улыбнется мне и сядет рядом за парту, делая вид, что читает учебник по биологии, а на самом деле станет рисовать на обложке тетради смешные рожицы. Каждый день я свято в это верила и продолжала писать ей письма, передавая их Марии Васильевне, так как не знала точного почтового адреса. Каждый день... Возможно, что Тася не получила ни одного из этих писем. По крайней мере, мне так легче было объяснить самой себе, почему она не отвечает. Другой причины я не видела или не хотела видеть. Вечера проводила одна, как и раньше, в своей комнате. Даже книги перестали меня занимать. Я подолгу смотрела на подаренный портрет, на чуть неровную надпись: *«Моей любимой подруге на долгую память»*, и слезы незаметно катились по щекам. Но однажды я перестала ждать, надеяться и верить. Мне пришлось принять правду, какой бы горькой она ни была. Мне нужно было осознать, что Тася не вернется. Мне нужно было научиться жить без нее.

Как-то, когда все отправились на прогулку, я, сославшись на нездоровье, осталась в интернате и бесцельно слонялась из угла в угол. Так, я случайно наткнулась на чердак, который находился на самом верхнем этаже. Дверь была открыта – я вошла внутрь. Из окна лился слабый, тусклый свет. Мне удалось разглядеть только пару старых коробок, заполненных ненужными бумагами, несколько ящичков, неизвестно с чем. Я уже собиралась уходить, как мое внимание привлек большой предмет, находившийся рядом с окном. Он был накрыт темной бархатной тканью. Мне стало любопытно, поэтому подошла ближе. Оказалось, что это пианино, в точности такое же, которое когда-то видела на картинке в одной книге. Я почему-то смотрела на него заворожено несколько минут. Потом аккуратно стянула ткань, медленно открыла крышку и дотронулась пальцами до клавиш... Я прошлась по всем клавишам одновременно. Мне очень понравилось это ощущение. Время пролетело незаметно, уже доходило семь часов. Однако мне казалось, что прошло не больше пяти минут, а на самом деле – уже больше часа. Все, конечно, давно вернулись с прогулки. Я побежала вниз, даже забыв закрыть крышку пианино. Дверь чердака плотно захлопывать не стала. Мне вдруг захотелось вернуться сюда еще раз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.